

18+

Русин Василий
Победа
Три Первенца

Василий Леонидович Русин

Победа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48536516

SelfPub; 2019

Аннотация

Первый из "Трех первенцев", первое произведение, первый шаг. Станет ли победа в поединке между двумя волшебниками настоящей Победой? Сумеет ли один народ, покоривший другой, назвать уничтожение Победой? Может ли давняя, благородная мечта сохраниться даже в самом пропадающем сердце? Может ли влюбленное сердце ошибиться? Все это – Победа. В оформлении обложки использована фотография с сайта [pixabay](http://www.pixabay.com) по лицензии CC0.

Предисловие автора

Здравствуй, мой читатель. С этого произведения и начался мой писательский путь. Это было давно, и вспомнить нелегко, – кажется, в 2012 году, хотя, если вдуматься, идея появилась несколько раньше.

Это произведение – самое первое написанное мной, и особенно забавно вспоминать то время и слова редактора о чересчур сложных формулировках, самобытности стиля и трудности восприятия текста в контексте последних опубликованных мной произведений. Например, «Цитадели» с ее описаниями магии или «Роз» с их образностью и метафоричностью.

Многие элементы этого произведения переросли в Большие Идеи и стали основой для моей вселенной. Например, упоминаемая в данном произведении Академия волшебства проросла сквозь время и стала Янтарной башней колдовства, одним из столпов магического мира. Забавно, что в большинстве произведений нет ее точного описания, она скорее символ, нежели объект. Концепция поединков между претендентами на титул волшебника сохранилась, мы видим ее в «Бледном Короле». Образные описания также изменились, но насколько – лучше судить тебе, мне кажется, что слово мое становится более точным.

Концепция Солнца как основного символа жизни сохранилась, и она остается одной из главных форм. Идея с серд-

цем колдовства проявила себя в «Цитадели», но уже в «Бледном Короле» она была преобразована в новую форму: форму вселенных создателей – некое особое виденье колдунов Янтарной башни, когда весь мир становится для них космическим пространством и магия идет не от сердца и чувств, но от взаимодействия с планетами и звёздами этой вселенной.

Концепция равновесия как общая балансирующая идея добра и зла тоже встречается и далее. И так же, как концепция Солнца, остается одним из основных столпов повествования.

Победа

Дрожала земля – от взрывов, топота ног, от падения стен и камней, летящих с неба. Удары конских копыт, звон мечей и крики раненых слились в одну нескончаемую песню – песню войны.

Пахнет огнём и дымом. Оперевшись рукой о каменную кладку стены, я посмотрела вниз, на ступени, подле которых лежала городская площадь. С каждым шагом я на удар сердца ближе к брусчатой мостовой и, возможно, к своим, к живым.

Улицы – сплошное пламя и дым, и везде, куда хватает моего взгляда, – война. Мы проигрываем. На баррикадах сражаются те из нас, кто ещё жив. За спиной всё сожжено и развеяно по ветру.

На опрокинутых телегах окруженные, теснимые врагом, бьются солдаты, знавшие меня иной, полной сил, воодушев-

ляющей их, своими чарами повергающей неприятелей, обращающей врагов в трепет и стирающей пыль. Теперь же ничего этого больше нет. Силы уже оставляют меня. И последние солдаты умирают у ног моих, дабы жизнь моя продолжалась. Их глаза, их лица — я вижу их сквозь ветер времени. Эти образы останутся со мной навсегда.

Грохочут небеса от камней, брошенных на наш город, земля дрожит, и я падаю на колени — боль застилает глаза. Посох, когда-то бывший символом, а теперь просто опора, — помогает подняться. Сквозь дым, пелену, я вижу, что баррикады прорваны и враги бегут мне навстречу волной, неистовой гибельной рекой.

Посох сияет и серебряными бликами красит их латы, но искаженные лица не скрыть ни дымной пелене, ни самой смерти. Я шепчу слова, и сила наполняет моё сердце, по венам пробегает к кончикам моих пальцев, целует их и, слетая с посоха, устремляется к цели. Крик достигает сердца небес, и каменная брусчатка, которую когда— то столь долго и кропотливо укладывали одну к одной, становится дымом, а волна пламени превращает врагов в пепел. Сознание меркнет.

*** **

Голуби — солнца золотые лучи — согревают, наполняют моё естество истомой и сладким счастьем. Я кормлю этих чудных птиц с руки, смеясь как ребёнок. Я в голубятне, они слетаются ко мне и наперебой клюют корм с моей малень-

кой ладошки. Смех радости срывается с губ моих, устремляясь навстречу птицам, моим друзьям. Они не боятся меня – не видят, что я дышу волшебством, сияю им. Не боятся, и я буду любить их за это до конца моих дней. Я обещаю себе это, и не изменю этому обещанию. Голуби будто понимают, о чём я говорю.

Солнце. Я вижу его и плачу, потому что это мой самый счастливый день. Мне пятнадцать лет.

*** **

Солнце. Я вижу его, но подняться не могу – оно не оставило меня, золотой ладонью отбросив с моего лба непокорную прядь волос, и лучиком тонким и недолговечным иссушило подступающие слёзы. Ноги в тяжёлых сапогах прижали мои руки к земле, хрустят кости, мои кости! Сердце бешено колотится в груди, и, пока сознание не оставило меня, выкрикиваю те последние слова силы, что ещё осталась во мне.

Он дёрнулся – тот, что ближе всех ко мне, и чьё лицо я видела ясно. Дёрнулся и упал на меня, придавив собой и похоронив надежду освободиться. Он падал на меня, а разум мой угасал, и война, моя война, была проиграна навсегда. Удар, и я теряю нить реальности.

*** **

Мне семнадцать лет, и я здесь впервые. Под тяжёлыми и тем не менее изящными потолками, окруженная волшебством во всех его проявлениях, в месте, которое может стать могилой для меня или возвыситься над всеми живущи-

ми.

Академия Высшего волшебства. Тогда я вошла туда впервые, так же как и десяток — другой мальчишек и девочек. Мы смотрим на чудеса с нескрываемым восторгом.

Нас встречают ученики последних курсов, те, кто назвались нашими друзьями. Но, по правде говоря, ужаснее врагов у меня не было. Никогда.

Мне семнадцать лет, и я счастлива.

*** **

Представь, что скрипачу нарочно порвали струны, птице сломали крылья или солнце вдруг перестало сиять. Грустно? Жестоко? Они отняли мне пальцы, и всё, что я говорила ранее, меркнет по сравнению с этим.

Когда я открыла глаза, увидела ржавые прутья клетки, в которой меня везли. Тогда, очнувшись и попытавшись подняться, я с ужасом осознала, что теперь мои пальцы отрублены и брошены рядом со мной, лежат в маленькой лужице крови. Слезы, слезы жгли мне глаза.

Они перевязали мои искалеченные, изуродованные кисти рук, культи. Боже мой, полоски серой мешковины, пропитанные моей кровью, а под ними то, что когда-то было моими ладонями, то, где были мои пальцы, там, откуда брал разбег и силу волшебный дар.

Я плакала, рыдала как никогда в жизни, я бросалась на прутья клетки с единственным желанием — вырваться. Вырваться и убить. Но они проходили мимо, не обращали на

меня внимания. В конце концов горе, усталость и боль от попыток сломать прутья опустошили меня.

Я уснула, всхлипывая, пытаясь сжать в кулак не существующие теперь пальцы.

«Проснись, лежебока, проснись». Веки тяжелы от сладкой истомы, накатившейся на меня, и разомкнуть их нет сил. Пахнет булочками с корицей, яблоками и моим сном. Не хочу даже думать о том, что нужно открыть хотя бы один глаз.

«Ну вот, ты сама напросилась». Я мысленно улыбнулась. Пусть этот голос помолчит, перестанет будить меня. Шипение, и на меня выливают ушат холодной воды. Я в бешенстве вскакиваю с постели и чувствую, что вода паром сходит с меня. Кто бы вы думали это сделал? Я мокрая насквозь, моя лучшая подруга стоит напротив меня, улыбается мне. Ради её улыбки стоит жить.

Тут уже я смеюсь, и зло покидает меня. Я люблю её всем сердцем, будто она сестра мне.

*** **

Проснулась ночью, когда они встали лагерем. Я повернула голову направо и стала наблюдать за ними. Да и что мне оставалось делать? Варвары всех мастей: загорелые, смуглые, сильные, с длинными волосами, собранными в косы, смеялись у костров. Пели и находили счастье в простоте. Все, что было одеждою для них днём, после захода солнца

становилось богатством земли. Все ценности меркли перед ними, оставалось только их странное задушевное братство, только оно и ничего более. Над кострами в котлах кипела еда. Шатры, соседствующие с вповалку спящими людьми, столы с наспех съеденной пищей, дикость и пустота, и только пламя, разведённое их же руками, бликами обнимало спящих.

Они несут мне поесть, я даже не смотрю на них, отвернулась. Они бросили мне кусок мяса и вернулись к своим кострам. Я с трудом повернулась и попыталась подняться. На куске мяса проступает кровь, мои руки сами собой тянутся к нему, и я плачу, потому что не могу есть.

*** **

«Я не помню, как уснула, но помню сон: мне виделось то время, когда вести о войне наполнили коридоры Академии тревожными разговорами. Где бы я ни появилась, куда бы я ни направилась – везде говорили только о войне. Война, война, война.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.